

ПО СЛЕДАМ ИСИГУРО: писатели о технологиях и душе

— КОМПЛЕКТ ИЗ 3 КНИГ —

Loft. Азиатский бестселлер

Эмили Мандел

**По следам Исигуро:
писатели о технологиях и
душе. Комплект из 3 книг**

«ЭКСМО»

2024, 2020, 2025

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44

Мандел Э. С.

По следам Исигуро: писатели о технологиях и душе. Комплект из 3 книг / Э. С. Мандел — «Эксмо», 2024, 2020, 2025 — (Loft. Азиатский бестселлер)

ISBN 978-5-04-250510-2

Комплект из 3 книг - платите меньше, читайте больше! В состав входят: Симпати Тауэр Токио, Стекланный отель, В точке кипения. Комплект выгоднее, чем покупать книги по отдельности. Симпати Тауэр Токио Добро пожаловать в Японию завтрашнего дня! Здесь практика радикального сочувствия преступникам стала нормой. Отныне они будут жить в грандиозном жилом комплексе «Симпати Тауэр Токио» в небоскребе в самом центре города. Известному архитектору Саре Макина было поручено спроектировать новую центральную часть города, но она полна сомнений. Сара борется с противоречивыми эмоциями, ее отношения с великолепным — и гораздо более молодым — бойфрендом становятся все более напряженными. В поисках утешения и творческого вдохновения Сара обращается к всезнающему чат-боту с искусственным интеллектом... Лауреат высшей литературной премии Японии «Симпати Тауэр Токио» — захватывающий роман одного из самых экстраординарных современных авторов. Частично вдохновленный беседами с искусственным интеллектом, он состоит из человеческого остроумия, трогательного исследования творчества и насмешки над беспощадным конформизмом нашего мира. Стекланный отель На берегу острова Ванкувер, повернувшись лицом к океану, стоит фантазм из дерева и стекла – невероятный отель, запрятанный в канадской глуши. От него, словно от клубка, тянутся ниточки, из которых ткется запутанная реальность, в которой все не то, кем кажется, и все не то, чем кажется. Здесь на панорамном окне сверкающего лобби появляется угрожающая надпись: «Почему бы тебе не поесть битого стекла?» Предназначена ли она Винсент – отстраненной молодой девушке, в прошлом которой тоже есть стекло с надписью, а скоро появятся и тайны посерьезнее?

Или может, дело в Поле, брате Винсент, которого тянет вниз невысказанная вина и зависимость от наркотиков? Или же адресат Джонатан Алкайтис, таинственный владелец отеля и руководитель на редкость прибыльного инвестиционного фонда, у которого в руках так много денег и власти? В точке кипения Экологическое правосудие стало возможно. И, казалось бы, Земля может вздохнуть спокойно, люди наконец-то осознали свою роль в восстановлении природного равновесия, переработка отходов становится нормой, а не блажью меньшинства. Но точка невозврата пройдена, и климатическая катастрофа вот-вот нарушит хрупкое равновесие. Сначала незаметно, исподволь загоняя людей в ловушку мнимой безопасности. Роман вбирает в себя множество точек зрения, дает надежду одним и ввергает в отчаяние других. Но катастрофа становится реальностью, и все, что нам остается — это жить в ее условиях. *Цена комплекта рассчитана исходя из базовых цен. Во время акционных предложений цена отдельных книг может меняться

УДК 821.521-31

ББК 84(5Япо)-44

ISBN 978-5-04-250510-2

© Мандел Э. С., 2024, 2020, 2025

© Эксмо, 2024, 2020, 2025

Содержание

Риэ Кудан	6
Конец ознакомительного фрагмента.	12

По следам Исигуро

Писатели о технологиях и душе

Риэ Кудан
Симпати Тауэр Токио

Rie Qudan
Sympathy Tower Tokyo
TOKYO-TO DOJO-TO
#####

Copyright © Rie Qudan 2024

All rights reserved. Original Japanese edition published in 2024 by SHINCHOSHA Publishing Co., Ltd.

This Russian edition published by arrangement with SHINCHOSHA Publishing Co., Ltd. c/o Tuttle-Mori Agency, Inc., Tokyo

Author's photo ©SHINCHOSHA

© Слащева А., перевод на русский язык, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Возвращение Вавилонской башни. Строительство «Симпати Тауэр Токио»¹ смешает наши языки и повергнет мир в рассеяние. Только за ним будут стоять не те, кто, достигнув мастерства в строительстве, возгордился и возжелал построить башню до небес, тем самым призвав на себя гнев Божий. Теперь мы по собственной воле злоупотребляем и жонглируем словами, множим одни и избавляемся от других и, естественно, вскоре совсем перестанем понимать друг друга. Слова, слетая с кончика языка, превращаются в непонятный для окружающих монолог. Монолог захватил мир. Наступила эра Великого Монолога.

В черном глянцево кафеле ванной комнаты, где смутно отражается мое тело, я вижу еще один вариант будущего. Архитекторы видят будущее. Будущее всегда открывается архитектору, даже если тот не планирует его увидеть.

Симпати Тауэр Токио?

Конечно, размышления о названии вовсе не входят в обязанности архитектора, и, какими бы сильными ни были сомнения, у него нет полномочий что-то менять, но тем не менее, когда сильная струя душа ударяет в лицо, —

Симпати Тауэр Токио

– звуки, буквы, значения, структуры власти, окружающие башню, – все это начинает меня беспокоить, и избавиться от этого я не могу.

До этого момента я совершенно спокойно про себя называла ее просто «башня». Даже во время обсуждения конкурса в бюро ее называли «типичной башней». Мне все равно, как ее назовут и какие эксцентричные варианты названий взбудоражат публику. В моем сознании она уже закрепилась как «башня», не более и не менее. Я уже все рассмотрела и сделала выбор: для меня это обычная «башня», и я не буду вдаваться в суть проекта. В правилах архитектурных конкурсов не указано, что участники обязаны соглашаться с идеей проекта. Тем не менее, когда «башня» вдруг превратилась в «Симпати Тауэр Токио», она стала липкой, намертво впилась в мозговые извилины. Смыть ее никакой водой было невозможно. По опыту, это плохой знак.

¹ Название книги в оригинале записано японской азбукой катакана, используемой для записи иностранных слов. – Прим. пер.

Беда. Что за беда? С головой. Не слишком ли широкое понятие «голова»? Напротив, скорее слишком узкое. Кроме того, слова «беда с головой» могут показаться дискриминационными по отношению к психически нездоровым людям. Уж лучше сказать, что с названием беда. Почему? Кто его придумал? Японцы? СТОП. Внимание на объем понятия. Ок, «японские эксперты»... Пусть моя голова заперта на замок и никто туда не может проникнуть, но внутренний цензор на автомате проверяет каждое слово. Я устаю от цензора, который существует вне моей воли и захватывает все большее пространство, и хочу быстро написать формулу, чтобы подзарядиться бодростью. У формул есть только один правильный ответ. В математике можно не переживать, что ответ выйдет другим даже с учетом того или иного фактора. Мне нравится надежность и равенство цифр этого универсального всемирного языка. Но здесь, в ванной, нет формул. Есть только «Симпати Тауэр Токио», «Вавилонская башня», «эксперты».

То есть эксперты собрались, коллективно пораскинули мозгами и после длительных дискуссий не нашли ничего лучше, чем дать башне название курортного отеля? Слова «ничего лучше» звучат совершенно естественно, а следовательно, я воспринимаю этот факт негативно. «Негативно»? Слишком мягко и просто сказано. Моя интуиция просто кричит: «НЕТ». Такое вообще не должно существовать. Все мое тело буквально отторгает слова «Симпати Тауэр Токио». Да, когда я думаю, на что это похоже, я понимаю, что это похоже на изнасилование.

Я пытаюсь заполнить пространство между белым шумом от струй душа воспоминаниями, которые долгое время покоились в глубинах памяти. Меня изнасиловали. Это факт. Мужчина, сильнее меня, повалил мое тело, тело старшеклассницы, и изнасиловал его. И все же приравнять ту девушку, у которой были другая кожа, другие желания, другое любопытство, к женщине-архитектору средних лет, которая здесь и сейчас стоит под душем, – это исказить действительность. Сейчас я бы и под страхом смерти не надела бы белые гольфы с такими лоферами. Поэтому пока буду временно называть ее иначе. Раз уж она любила математику, то ее будут звать «девушка-математик». Девушка-математик была изнасилована, и она повторяла «меня изнасиловали», но мужчина, который ее изнасиловал, сказал, а люди, которые его слушали, постановили, что «изнасилования не было». Они говорили, что «изнасилования не было», потому что девушка-математик встречалась с мужчиной, который ее изнасиловал, девушка-математик его любила, девушка-математик сама пригласила его домой. Девушка-математик не смогла найти слов, чтобы описать то действие, которое над ней совершил любимый мужчина, таким образом, чтобы все признали, что это было изнасилование. Поэтому никто девушку-математика не насиловал.

Отсюда вывод: я не знаю, с какими страданиями сталкиваются жертвы изнасилований. У меня нет права говорить, что это «похоже на изнасилование». Это и неуважительно по отношению к настоящим жертвам насилия. Но даже если это неподходящая гипербола, нельзя отрицать, что здесь стоит живая женщина, которая ощущает, как слова «Симпати Тауэр Токио» давят, опрокидывают, валят, оскверняют ее. Может быть, если когда-нибудь настанет день, когда мое тело без моего согласия изнасилует «мужчина, которого я не любила и с которым я не встречалась», я пойму, что мои нынешние телесные ощущения на самом деле неправильны. Или, может быть, когда я познаю боль настоящего изнасилования, то смогу, выпятив грудь, публично заявлять, что это «похоже на изнасилование». И в тот день, когда я стану жертвой насилия, мои возражения против «Симпати Тауэр Токио» обретут мощь и убедительность. Нет. Пусть мне сейчас противно, но мне не нужно становиться жертвой насилия. У меня нынешней, взрослой, в итальянских туфлях-лодочках, есть и слова, и достаточно ума. То есть, говоря о мужчине, который меня «не насиловал», можно заменить слова «его любила» на «его не любила», а следовательно, «изнасилования не было» на «изнасилование было».

Можно?

Я хотела только ополоснуться под душем и смыть пот, но из-за ощущения грязи старательно намывала все тело и волосы. Дома я обычно моюсь поздно вечером, когда сильно устала,

поэтому наношу на себя жидкий лосьон для тела и смываю его автоматическими движениями, которые ничем не отличаются от мытья посуды, но в отеле, где я остановилась впервые, «мытьё» под душем превращается в сознательный процесс.

Я могу выбирать один из четырех режимов на насадке душа. Позже я изучила сайт фирмы-производителя, где сообщалось, что режим «Туман» снабжен новейшей технологией *Ultra Fine Bubble*. У обычных насадок для душа диаметр пузырька в струе составляет 0,3 миллиметра, а технология *Ultra Fine Bubble* основывается на использовании нанопузырьков до 0,000001 миллиметра в диаметре, тем самым «создавая беспрецедентно ультрамелкие пузырьки». Эти беспрецедентные пузырьки не только проникают в роговой слой кожи, счищая грязь, но и оказывают увлажняющий эффект на кожу и волосы.

Приятное ощущение от режима «Туман» на коже снова напоминает мне, что настоящая цель процесса мытья – очистка тела, а для очистки тела нужно очистить забитые поры. Сегодня каждый, кто заботится о гигиене, не просто «чистит зубы», но «удаляет налет». Вместо простой очистки поверхности зуба, следует сосредоточиться на очистке межзубного пространства и удалении налета с десен, чтобы предотвратить появление пародонтоза и кариеса. Следовательно, использование таких устаревших слов, как «чистка зубов» и «зубная щетка», не способствует гигиене ротовой полости у будущих поколений. А если это не способствует будущим поколениям, то оно не способствует и будущему в целом. Но вероятно, в этой области никто не собирается ничего менять, потому что стоматологи не заботятся о будущем. Или, может быть, в их интересах увеличить количество страдающих от кариеса. Опять интересы. Заявление какой группы прозвучит громче? А кстати, вы правда хотите, чтобы вас так глубоко чистили?

После того как я задаю этот вопрос немым порам, мыслями я снова возвращаюсь к «Симпати Тауэр Токио». Почему именно «Симпати Тауэр Токио»? Почему они решили, что название «Симпати Тауэр Токио» подходит больше других? И когда я вытираюсь полотенцем, то ответ приходит сразу же, и в нем нет ничего об объеме понятия.

Просто японцы хотят избавиться от японского языка.

И это не первый раз, когда японцы хотят избавиться от японского языка. В 1958 году телевизионную башню Токио называли «Токио Тауэр», потому что в комитет по названию входили японцы, которые хотели избавиться от японского языка. Самый популярный вариант у публики был «Башня Сёва». Затем шли «Башня Ниппон», «Башня Мира», «Башня Фудзи», «Башня века» и «Башня Фудзими», но в конце концов был выбран тринадцатый по популярности вариант, «Токио Тауэр», потому что один член жюри авторитетно сказал: «Она будет называться „Токио Тауэр“ и никак иначе». Если бы выбрали самый популярный вариант, «Башня Сёва», то эта бело-красно-желтая башня сейчас выглядела бы реликтом давнего прошлого. Также наверняка и к людям, рожденным в эпоху Сёва, стали бы относиться как к чему-то старомодному и отжившему свое. Как результат, многие японцы убеждены, что «Токио Тауэр» – самое подходящее название для башни и не могут представить, чтобы она называлась иначе. Можно сказать, все восхищаются решением, которое было навязано. Демократия не способна предсказать будущее. Она не может его увидеть.

Я могу увидеть будущее.

Еще не воплотившееся будущее предстает как зрительная галлюцинация. Неспециалисты могут назвать это талантом, экстрасенсорным восприятием, «артистическим вдохновением», но, конечно, это не что иное, как профессиональная болезнь. Ей страдает каждый архитектор, который хотя бы раз проектировал огромное здание. Чем больше масштаб здания и его влияние на городской ландшафт, тем сильнее болезнь. Нет смысла повторять бредовые фразы вроде «будущего никто не знает», когда задумываешь постройку, после возведения которой хода назад не будет.

Девяносто девять процентов двумерных изображений этих зрительных галлюцинаций так и остаются двумерными. И конечно, они не смогут «повергнуть мир в рассеяние». Чтобы

воплотить идеальные фантазии архитектора, необходимы весьма материальные технологии. Расчет сметы и времени стройки. Бесстыдство пробраться к властям предержавшим. На скорую руку сляпанное оправдание того, почему здание выглядит именно так, чтобы даже полные профаны все поняли. Нехватка хотя бы одного из этих навыков – и мои наброски останутся украшениями для музейных стен. Но я не могу сказать, что для меня это реальная работа.

«Меня не интересует рисование картин, хотя мне предлагали устраивать персональные выставки. Мои рисунки – это только идеи, замыслы зданий. Меня не устраивает, когда люди говорят, что “познали женщину”, только посмотрев порно. Я хочу быть настоящей женщиной, которую можно трогать, в которую можно входить и выходить. Для меня самое приятное – когда люди входят и выходят из здания, построенного мной».

Было время, когда я каждый раз отвечала такой метафорой всем, кто пытался у меня выяснить, чем рисунки отличаются от архитектуры. Без малейшего кокетства или позы я честно и откровенно выражала свои мысли и полагала, что это максимально простой и легкий способ объяснить людям свои работы. Однако этот пассаж всегда вырезали из статей, поэтому пять лет я об этом не говорила. Может, редакторы считали его «неважным», «неподходящим» или «неинтересным». Или секретарь в офисе просил его вырезать, заботясь об имидже Сары Макины. Наверняка они решили, что другим не стоит знать, как видит свой труд архитектор Сара Макина.

Высушив волосы феном того же бренда, что и душ, снабженным разрекламированной функцией увлажнения, я расстилаю на полу свой коврик для йоги. На нем я выполняю длинную утреннюю программу упражнений перед работой: пилатес → йога → пение песни *Come to me!* от начала до конца → безумные эротические фантазии в позе для медитации → три раунда поклонения Солнцу для подавления безумных эротических фантазий → повторение восемь раз оригинальной аффирмации: «Я слабый человек. Я осознаю свою слабость. Я полностью контролирую свои желания. Я знаю, что мной движет только моя воля. Я несу всю ответственность за свои слова и движения». Затем я выдыхаю и раскрываю скетчбук, чтобы приступить к работе. Всеми силами я концентрируюсь на белом листе.

Однако в моей голове по-прежнему всплывают слова. Я начинаю писать, чтобы вымести весь мусор из головы. Abuse = насилие. Bulling = травля. Victim-blaming = обвинение жертвы. Neglect = пренебрежение. Harassment = домогательство. Shaming = унижение.

Homeless = бездомный. Neglect = брошенный ребенок. Vegan = тот, кто не ест мяса. Minority = меньшинство. Sexual minority = сексуальное меньшинство. Я не могу поверить, что эти буквы написаны моей рукой, и это ставит меня в тупик.

Я знаю, что рисую лучше, чем многие, и я быстрее всего заучивала иероглифы в школе. Но катакана давалась мне хуже всего, сколько я ни старалась. Даже младшеклассники, даже иностранцы пишут лучше. Один из сотрудников бюро даже сказал, что мой почерк «как у сумасшедшего маньяка – серийного убийцы». Я бы не пошла в бар с тем, кто придумал катакану. Я не могу полюбить структуру, которая превратится в груды палок, если убрать хотя бы одну из них, я не могу полюбить эти унылые, лишённые красоты и гордости линии без какого-либо содержания, которым все же хватает наглости выражать слова любого иностранного языка. Знаки катаканы у меня выходят кривыми из-за физического отвращения. Когда я открыла бюро в Токио, чтобы название было доступней для понимания на международных конкурсах, мне советовали назвать его *Sarah Machina Architects*, но оно называется просто: «Сара Макина Сэккэй Дзимусё» – «Бюро Сары Макины». Я не хочу плодить возможности для использования катаканы.

Single mother = мать-одиночка. Partner = супруг. Minority = меньшинство. Ageism = дискриминация по возрасту. Toxic = нездоровый. Foreign workers = иностранные рабочие.

Differently abled = инвалид. Homo miserabilis = преступник... Я опускаю эти буквы, похожие на кривые модульные дома, в охлажденную минеральную воду и перекатываю во рту.

В одних случаях заимствования используют для простоты произношения или сокращения, в других – чтобы избежать ощущения неравенства или дискриминации, а еще потому, что такие слова звучат мягче, уклончивей, помогают избежать острых углов в разговоре. Не знаешь, что выбрать – заимствуй. Во многих случаях это помогает чудесным образом все уладить.

Я вспомнила концертный зал, который проектировала в Сайтаме. Когда мы обсуждали размещение объектов, я отметила общий туалет как «М/Ж», но сразу после того, как я поделилась файлом, название было исправлено на «гендерно-нейтральный туалет». Самая молодая ассистентка – тогда еще ассистент – исправила план и написала в мессенджер Slack: «Какой-то отстой: ни актуалки, ни вайба, ни эмпатии». Я подсознательно написала «М/Ж», чтобы избежать катаканы, в параллель обозначениям отдельно мужского и отдельно женского туалета – и, как получилось, его заменили на «гендерно-нейтральный». Разумеется, когда места немного, приходится писать помельче, чтобы все влезло, однако, конечно, страдания тех, кто терпеть не может катакану и заботится о размере букв и о месте, ничто по сравнению со страданиями агендеров, которым приходится идти в кабинку с надписью «м/ж» из-за тех, у кого гендер есть. Да и «страданиями» это называть не следует. Я никогда не задумывалась над вопросом, в какой туалет идти, поэтому неважно, какую подпись я бы оставила на схеме. Меня ничего не должно задевать.

...а как же «Симпати Тауэр Токио»?

Я ложусь на кровать, которая отдалена от маленького гостиничного столика, на котором даже не уместится скетчбук. Я делаю глубокий выдох, одновременно похожий на вздох. Экран ноутбука на кровати слегка покачивается от дыхания, я вызываю внутреннего цензора, и в голове начинается совещание по названию. Я не сяду за работу, пока не разберусь с этим.

Может быть, оно актуальней, вайбовее и эмпатичнее, чем название «Кэймуто»? («Башня-тюрьма», мой кандидат в названия.) С точки зрения толерантности для меня они оба одинаковы. Простота произношения? В «Кэймуто» меньше слогов и оно звучит проще, но это тоже вопрос ощущений. Вероятно, ряд иероглифов ощущается сухо и формально, недостаточно дружелюбно для достопримечательности. Тем не менее если вспомнить о назначении здания, то разве название не должно быть «жестковатым», а также «серьезным» и «суровым»? Таковы ощущения человека, родившегося в эпоху Сёва. Вероятно, люди, рожденные в эпоху Мэйдзи или Тайсё, ощущали схожий дискомфорт, когда слышали о «Токио Тауэр» в 1958 году. В таком случае я еще недостаточно вижу будущее.

Странно, почему название настолько меня занимает. Я не эксперт-лингвист, не копирайтер и не националистка. У меня нет знакомых, которые отбывают срок. К счастью – и сейчас я могу назвать это счастьем без малейшей запинки, – я веду спокойную жизнь, не связанную ни с преступлениями, ни с преступниками. У меня нет единого мнения относительно проекта башни. Я не интеллектуал, не культурный деятель – уместно ли так говорить? или как лучше сказать? – который обязан выражать свое мнение в «Твиттере» – как он сейчас там называется? – по этому вопросу.

В любом случае я думаю только об оболочке. О ее форме, структуре, материалах, бюджете, сроках постройки. Что туда положат, какую идею поместят – решают другие. Это социальный вопрос. Я же архитектор. Это не мое дело.

И все же странно, что люди, воспринимая за простыми словами несуществующие воображаемые ощущения вроде «жесткости», «серьезности», «суровости» или «мягкости», умудряются действительно испытывать из-за этого боль.

«Бедные.

Несчастные.

Homo miserabilis».

Я впервые в жизни произношу эти слова, и мое чувство языка их не отторгает. По крайней мере, они не вызывают аллергическую реакцию. Бывают слова, которые так и хочется произносить вслух, не вникая в контекст. Вот homo miserabilis – это такие слова. Конечно, лучше бы и дальше говорить о «преступниках». Но ничего страшного не случится, если вместо этого весь мир станет говорить Homo Miserabilis. Их можно спокойно произносить на публике без запинки. «Дорогие бедные-несчастные Homo Miserabilis!»

Кстати, а это не латынь?

Sara: [Homo Miserabilis – это на латыни?]

Я придвигаю ноутбук и переключаю вкладки. У меня открыт и сайт производителя головок для душа, и статья на «Википедии» о «Токио Тауэр». Лежа, я набираю двумя пальцами вопрос ИИ-помощнику AI-built.

AI-built: [«Homo Miserabilis» это]

Built тут же придумывает предложения. Мне нравится ИИ, который не избегает даже обрывков. У него на все найдется ответ.

С усердием, от которого даже щемит в груди, он придумывает абзац ответа.

AI-built: [«Homo Miserabilis» – это сравнительно новый концепт, предложенный социологом и специалистом по науке о счастье Масаки Сэто. В своей книге «Homo Miserabilis: заслуживающие сожаления» Сэто переосмысливает образ людей, традиционно воспринимаемых как «преступники» и подвергаемых стигматизации. Он рассматривает осужденных, несовершеннолетних правонарушителей и тех, кого обычно относят к «социальному дну», с точки зрения сочувствия, называя их «заслуживающими сожаления» – Homo Miserabilis. При этом Сэто вводит противоположное понятие – Homo Felix, что означает «счастливые», «благословенные» люди. Он подчеркивает, что Homo Felix должны осознавать свою привилегированность и задумываться о предрассудках и дискриминации, обусловленных социальным положением. Эта новая перспектива не просто переосмысляет преступление, но и призывает к глубинным изменениям в обществе, направленным на социальную инклюзию и благополучие для всех. «Homo Miserabilis: заслуживающие сожаления» нашла отклик среди молодежи и разошлась тиражом...]

Меня бесит его менсплейнинг: он объясняет то, о чем я не спрашивала. Под своей вежливостью и находчивостью он умело прячет фатальное невежество. Каким бы умным ни был ИИ, он все равно не сможет столкнуться со своей слабостью. Он настолько привык заимствовать чужие слова, что не стыдится своей глупости. Ему неинтересно, кто сколько страданий перенес, пока люди не научились говорить слово «дискриминация». Никакого любопытства. Никакой жажды познания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.